

Проводя риелтора Сюя, Шэнь Цзя вновь погрузился в тягостное оцепенение.

Чемодан так и стоял возле дивана. В квартире — ни порядка, ни самых необходимых бытовых мелочей.

Дел непочатый край, но Шэнь Цзя бессильно откинулся на спинку простенького тканевого дивана и замер, уставившись в ослепительно белый потолок, пока от напряжения не закололо в глазах.

Лишь спустя долгое время он нехотя достал телефон и смахнул блокировку.

На заставке стоял их общий снимок с Юй Сянханом. Сянхан хитро ухмылялся, шутливо сжав пальцами его щёку, а сам Шэнь Цзя смотрел на него с бесконечной, нежной снисходительностью.

Прижавшись щекой к щеке — такие близкие, такие влюблённые.

Оформляя развод, он пожелал Сянхану счастья. Но в глубине души всё ещё тлела горькая обида.

Почему Юй Сянхан с такой лёгкостью перечеркнул их чувства? Почему, бросив его, он всё равно будет счастлив, а сам Шэнь Цзя обречён на эту боль?

Когда Юй Сянхан заявлял, будто Шэнь Цзя «обо всём давно знал, но молчал», думал ли он о том, что Шэнь Цзя — живой человек? Человек, которому больно, которому невыносимо обидно? После такого предательства душный шквал ярости и вопросов рвался наружу.

И молчал он вовсе не из трусости или бесхребетности. Он просто цеплялся за право любить и быть любимым, отчаянно пытаясь сохранить их семью, вытащить её, удержать на плаву.

Но перед глазами вновь вспыхнули чужие засосы на теле человека, которого он считал родным.

Губы Шэнь Цзя задрожали. Он сжал их до боли, приказывая себе не сметь плакать. Сянхан ушёл не оглядываясь — значит, и ему нельзя цепляться за прошлое, нельзя жалеть.

И всё же слёзы хлынули — удержать их было невозможно. Сердце разрывалось от тупой, визжащей боли, словно тупой клин въедался в самую грудь, сдирая мясо с костей. Лишь сейчас до него дошло со всей беспощадностью: Юй Сянхана больше нет в его жизни.

Клятвы прошлого сгорели дотла. С отчаянием ящерицы, отбрасывающей хвост ради спасения жизни, Шэнь Цзя решил стирать из памяти всё, что было связано с Юй Сянханом. Шаг за

шагом, след за следом.

Пусть прежнее счастье окажется украденным. Пусть за радостные дни теперь приходится платить этими слезами — он расплатится до последнего медяка. Отдаст всё до капли, чтобы очиститься.

Спустилась ночь. Шэнь Цзя плакал до тех пор, пока глаза не прожгла сухая режущая боль, а слёзы просто не кончились.

Пошатываясь, он поднялся с дивана, перекусил сухим печеньем и принялся за уборку.

Убрав с лица пряди, прилипшие от слёз к щекам, он взглянул в зеркало: красивые глаза разбухли и покраснели, на губах запеклись глубокие следы от зубов. Но в этом измученном облике, в отличие от прежней мёртвой отрешённости, наконец пробилось подобие жизни.

Под утро он решил остаться на диване в гостиной. Когда рядом никого нет, Шэнь Цзя не любил засыпать в глухих спальнях с единственным окошком — ему требовалось открытое пространство, откуда виден ночной небосвод.

К счастью, панорамные окна во всю стену и просторный балкон открывали отличный вид на яркий лунный диск.

«Доброй ночи, Шэнь Цзя.

Даже если отныне ты совсем один, ты обязан жить дальше. Жить хорошо».

Шэнь Цзя тихо прошептал эти слова, глядя на дымчатые синеватые сумерки за стеклом, и смежил веки.

В понедельник, когда Шэнь Цзя вышел на работу в детский сад, Цзян Хэ ожидаемо поджидал его на первой же перемене.

— Учитель Шэнь, ну как вы? Выздоровели? Это из-за жары солнечный удар, да? Или под кондиционером продуло?

Цзян Хэ засыпал его вопросами со свойственной ему пылкостью. Этот молодой и компанейский педагог устроился в сад совсем недавно, но моментально нашёл общий язык со всем коллективом. Даже такой молчаливый и замкнутый человек, как Шэнь Цзя, изредка перебрасывался с ним парой фраз.

— Всё в порядке, я уже здоров, — ответил Шэнь Цзя.

Ничего более пространного в голову не пришло: поддерживать светские беседы он не умел, а принимать чужую заботу и вовсе с трудом.

Цзян Хэ это ничуть не смутило. Он с облегчением выдохнул:

— Ну и славно! В пятницу вас не было, мы все прямо извелись. Учитель Ли даже тихонько у меня расспрашивала, чем вы заболели и насколько всё серьёзно.

Шэнь Цзя опешил. Он и подумать не мог, что коллеги, с которыми он едва общался, переживали за него.

Раньше при любом недомогании он делился только с Юй Сянханом. Сянхан постоянно внушал ему, что он единственный, кому Шэнь Цзя небезразличен, а остальные люди — чужие и ненадёжные, поэтому жаловаться нужно только ему. И Шэнь Цзя верил, привыкнув считать, будто тепло и заботу можно получить лишь из одних рук.

Но простые, искренние слова Цзян Хэ отозвались в душе неожиданной волной тепла. Оказывается, в этом огромном мире кроме Юй Сянхана действительно есть люди, которым он не безразличен.

— Учитель Шэнь, — Цзян Хэ хитро прищурился и прислонился к стене, — а можно один нескромный вопрос? Посплетничать охота!

У него было круглое, по-детски миловидное лицо, а после выпуска из института прошло всего ничего, так что улыбался он с чисто юношеским задором.

Шэнь Цзя, который был старше его на целых десять лет, относился к нему как к соседскому мальчишке, поэтому лишь кивнул, разрешая продолжать.

— Вы на той неделе проговаривались, что собираетесь отмечать годовщину свадьбы с мужем. Ну как всё прошло?

Цзян Хэ ещё ни с кем не встречался, поэтому любые подробности чужой семейной жизни вызывали у него животрепещущий интерес.

Вопрос застал Шэнь Цзя вплотную. На прошлой неделе, когда Сянхан предложил отпраздновать годовщину дома, Шэнь Цзя был так окрылён, что от избытка чувств проговорился коллеге.

Но вместо праздника получился развод. Как об этом рассказать?

Всего четыре дня назад он сиял и говорил: «Муж устраивает праздник», — а теперь должен буднично выдать: «Мы развелись»?

«В этом мире обязательно найдутся те, кто вас поддержит. Когда моя сестра разводилась, вся семья ходила мрачнее тучи, а я просто сказал ей: с днём освобождения! Иди и ищи своё настоящее счастье».

«Да и что тут такого? Не сошлись характерами — разбежались. Это куда лучше, чем тянуть лямку. Господин Шэнь, вы ещё молоды, обязательно встретите своего человека».

Слова незнакомца из минимаркета и риелтора Сюя зазвенели в ушах, заглушив привычное желание отшутиться или уйти от ответа.

Он любил Юй Сяньхана всем сердцем. И да, развод потребовал он сам. Но Шэнь Цзя ни о чём не жалел и не считал себя виноватым.

Бессрочная долговая расписка, две ночи иступлённых слёз, три года пренебрежения и измен... Всё, что мог отдать — он отдал. Все долги выплатил дочиста.

Так ради чего продолжать разыгрывать комедию благополучного брака? Он развёлся. Он лишился семьи. Это факт, от которого бессмысленно прятаться.

— Годовщины не было, — произнёс Шэнь Цзя спокойно и твёрдо. — Мы развелись.

На его лице не осталось и следа от той робкой радости, которую Цзянь Хэ видел несколько дней назад. Парнишка застыл в замешательстве.

Повисла тишина. Спустя мгновение Цзянь Хэ заговорил снова, но совсем о другом:

— Учитель Шэнь... я рос в повторном браке. Раньше родители постоянно скандалили, а потом твердили, будто не расходятся только ради меня... Я из-за этого вечно жил с дикой виной, думал, что ломаю им жизнь. А когда они всё-таки разбежались, я остался с мамой. Она снова вышла замуж, они с отчимом души друг в друге не чают. У отца тоже новая семья. Мы иногда виделись, никто больше не ругался. Родители даже извинились передо мной за те глупые упрёки.

Шэнь Цзя молча смотрел на него. Люди редко открывали перед ним душу, поэтому он слушал предельно внимательно.

— Мы хоть и не так давно знакомы, но я вижу, какой вы мягкий и добрый человек. Если уж вы решились на развод, значит, тот гад совершил что-то совершенно непростительное.

К концу фразы голос Цзян Хэ сбавил оборот, а заметив, как дрогнули черты лица собеседника, он испуганно замахал руками:

— Ой, то есть это просто моё мнение! Я просто хотел сказать... я на вашей стороне! Развод — это не ошибка. Иногда это просто шаг на пути к настоящему счастью. Не грустите, дальше всё обязательно наладится!

Шэнь Цзя долго молчал. Неуклюжие, но искренние слова парня нежно подхватили его измученное сердце, не дав ему вновь камнем кануть на самое дно.

Цзян Хэ видел, как разгладилась мучительная складка между бровями Шэнь Цзя, как смягчился его взгляд, а сжатые в тонкую линию губы медленно расслабились.

Тень тоски и затаённого страха сошла с бледного лица, уступив место едва заметной, мягкой улыбке.

— Спасибо тебе, учитель Цзян, — тихим, бархатистым голосом ответил Шэнь Цзя. В интонации проскользнула едва уловимая светлая нотка.

У Цзян Хэ мгновенно вспыхнули уши. Он заворожённо уставился на него и лишь спустя пару секунд смущённо выдавил:

— Да... да не за что, учитель Шэнь!

С того дня Цзян Хэ из кожи вон лез, пытаясь развеять печаль коллеги. По-детски наивный, он свято верил, что лучшая микстура от хандры — это шумные развлечения в хорошей компании.

Он то утягивал Шэнь Цзя на общие садиковские посиделки, то зазывал на совместные вылазки по выходным. Шэнь Цзя лишь кротко вздыхал от такой напористости, но отталкивать его не стал.

Слишком долго он был замурован в тесном мирке Юй Сяньхана. Годами он слышал лишь один-единственный голос, совершенно забыв, что вокруг кипит жизнь, полная ярких красок и искренней теплоты.

— Учитель Шэнь, а пойдёмте в воскресенье на автогонки? — выпалил Цзян Хэ, перед самым уходом перегородив ему дорогу и размахивая двумя билетами.

— Гонки? — Шэнь Цзя, продолжая собирать вещи, удивлённо взглянул на билеты. — А это не опасно?

— Да вы что! Мы же на трибунах будем! Я отхватил супер-VIP места в первых рядах, обзор — просто чума!

Цзян Хэ от восторга едва не пританцовывал. Шэнь Цзя тихо усмехнулся и согласился.

— Ой, правда, соседних мест не досталось... Придётся сидеть порознь, — вдруг сник парень.

Шэнь Цзя взял билет и мягко успокоил его:

— Ничего страшного. Погуляем вместе после заезда.

Цзян Хэ тут же повеселел. Договорившись о времени встречи, они попрощались у ворот.

Вечером Шэнь Цзя из любопытства вбил название мероприятия в поиск и ахнул: один такой билет стоил почти три тысячи юаней. Ему тут же стало не по себе.

Хоть Цзян Хэ и уверял, что это подарок, парень едва устроился на работу, и три тысячи составляли едва ли не половину его жалованья. Принимать столь дорогой жест от младшего коллеги было неловко. Шэнь Цзя перевёл ему всю сумму. Парень долго открещивался, но когда Шэнь Цзя сделал вид, будто обиделся и вообще никуда не пойдёт, тот сдался и принял деньги.

В воскресенье под оглушительный рёв трибун они переступили порог арены.

— Учитель Шэнь, я побежал на свой сектор! Встретимся на выходе! — крикнул Цзян Хэ, исчезая в толпе.

До старта оставался целый час. Шэнь Цзя не спеша поднимался по ярусам трибун в поисках своего ряда. Наконец найдя нужный номер, он увидел, что проход заслоняет длинноволосая женщина, а его кресло находится по правую руку от неё, с края.

— Извините, пожалуйста, я пройду? — вежливо попросил он.

Женщина в солнцезащитных очках мельком взглянула на него — и замерла, будто поражённая громом.

Шэнь Цзя озадаченно моргнул, но снова деликатно повторил просьбу. Лишь тогда соседка опомнилась и поднялась.

Опустившись на соседнее сиденье, она не обронила ни слова и лишь ожесточённо застрочила

что-то в телефоне. Шэнь Цзя почувствовал себя неловко — странное поведение незнакомки навевало смутную тревогу.

К счастью, за полчаса до заезда она отложила смартфон и больше не проявляла к нему никакого внимания.

В автоспорте Шэнь Цзя не смыслил ровным счётом ничего. Он сориентировался исключительно по воплям трибун.

Когда вокруг взрывался ошалелый рёв, он переводил взгляд на трассу; когда толпа затихала — рассеянно разглядывал конструкции арены.

Его полнейшее хладнокровие смотрелось диковато на фоне беснующейся толпы, однако соседка вела себя точно так же: сидела истуканом, не издавая ни звука.

Шэнь Цзя успел заскучать, как вдруг зрители за его спиной зашлись в оглушительном свисте, размахивая флагами. Вздвогнув, он отвлёкся и снова уставился на трек.

Чёрно-белый болид рассекал воздух с сокрушительной мощностью. Мощный занос, визг тормозов, дым из-под раскалённых шин — и машина замерла прямо у финишной черты.

Сквозь белесую завесу откинулась дверь, и из кабины выбрался высокий, подтянутый гонщик.

Трибуны содрогнулись от оглушительных оваций. Тысячи глоток в один голос скандировали:

— Чжоу Цзыфэй! Чжоу Цзыфэй!

Победитель в красно-чёрном комбинезоне сбросил скорость движения и отправился прямо к огороженному сектору трибун.

Высокий, широкоплечий, со статной выправкой, он шёл под вспышки сотен камер. Одним быстрым движением сдёрнул шлем.

Ярко-красные, дерзко взъерошенные волосы открывали чистый лоб. Он сорвал перчатки, махнул рукой сектору, где сидел Шэнь Цзя, и послал публике эффектный воздушный поцелуй.

— Ну и выпендрёжник, — процедила сквозь зубы женщина слева.

Шэнь Цзя про себя подумал, что им повезло сидеть подальше от ликующей толпы, иначе развевающиеся флаги фанатов точно задели бы их по голове.

Молодой гонщик приближался, и Шэнь Цзя смог разглядеть его черты.

Густые брови разлетались к вискам, раскосые хищные глаза и тонкий очерк губ придавали ему властный, откровенно дерзкий вид. На лице играла едва уловимая ухмылка.

Шэнь Цзя показалось, что выглядит парень довольно хищно, но при этом... как-то странно знакомо.

Гонщик по имени Чжоу Цзыфэй вдруг рванул вдоль ограждения, на бегу давая пятюни фанатам из первого ряда.

Ветер трепал огненную шевелюру, ослепительная улыбка лучилась неиссякаемым юношеским задором.

Сердце Шэнь Цзя невольно ёкнуло. Он смущённо опустил взгляд и вжался в спинку кресла, надеясь остаться незамеченным.

Но тут его соседка, только что ругавшая спортсмена, лениво протянула руку. Раздался звонкий хлопок — и красноволосый гонщик замер аккуратно напротив Шэнь Цзя.

— Дашь пять?

Шэнь Цзя оторопел: парень не просто затормозил, а протянул обе ладони.

Чжоу Цзыфэй стоял у подножия трибуны, вскинув руки и глядя на него снизу вверх. Его глаза горели ярким, нетерпеливым огнём.

На миг Шэнь Цзя показалось, будто перед ним огромный пёс, выпрашивающий лакомство. У его соседа жил овчар — грозный с виду, но рядом с хозяином моментально превращавшийся в ласкового щенка. Красноволосый гонщик сейчас смахивал именно на такого добермана или овчарку.

— Похлопай ему, а то не отвяжется, — подала голос соседка.

— Что? — переспросил Шэнь Цзя, не понимая, о чём речь. Но женщина уже поднялась с места, собираясь уходить.

В конце концов Шэнь Цзя смущённо и слегка беспомощно протянул ладонь, касаясь его пальцев.

Но Чжоу Цзыфэй неожиданно перехватил его кисть, сплетая их пальцы в замке, и с ощутимым

усилием потянул Шэнь Цзя на себя. Встретившись с ним взглядом, он прошептал:

— Спасибо.

Горячее, сбивчивое дыхание обжгло щёку. Шэнь Цзя уловил тонкий аромат парфюма, смешанный с едким запахом бензина и гари. Это непривычное сочетание и неожиданно близкое лицо юноши заставили Шэнь Цзя тихо ахнуть.

Чжоу Цзыфэй тут же отпустил его, но взгляд его, полный затаённого трепета, прощался нехотя. Сделав пару шагов назад спиной вперёд, он развернулся и устремился к следующему сектору.

Напоследок он ощутимо сжал основание пальцев Шэнь Цзя.

И даже когда яркий силуэт гонщика растаял в толпе, пальцы Шэнь Цзя всё ещё дрожали. На коже алел свежий след от крепкого сжатия, хранящий странное, обжигающее тепло.

— Вот это да! Потрясный заезд! — возбуждённо наперебой тараторил Цзян Хэ, как только они встретились у выхода.

Шэнь Цзя молча слушал его восторги всю дорогу, пока наконец не перебил:

— А этот... Чжоу Цзыфэй... он очень знаменит?

— Учитель Шэнь, вам понравился Чжоу Цзыфэй? — изумился Цзян Хэ.

— Нет-нет! Вовсе я не о том! — споткнулся Шэнь Цзя, торопливо замахав руками.

Цзян Хэ опешил, а потом весело расхохотался и по-дружески хлопнул его по плечу:

— Да я же про его гоночную карьеру спросил!

— Да и о карьере тоже нет... Просто он подбежал к нашей трибуне и дал мне пять... Вот я и...

Собственно, что «и»? Шэнь Цзя и сам не мог объяснить. Человек казался ему почему-то знакомым, к тому же именно он оставил единственное яркое впечатление от всего шоу.

— А, я видел! Ребята на моих трибунах шептались, что это умопомрачительный эксклюзив.

Чжоу Цзыфэй — жуткий гордец и заносчивый тип, с фанатами он отродясь так близко не контактировал. Ему же всего двадцать два! Говорят, до тридцати лет он гарантированно возьмёт кубок мирового чемпионата.

Изложив всё, Цзян Хэ смущённо почесал затылок:

— Ну, я в автоспорте сам без году неделя, за что купил, за то и продаю!

Шэнь Цзя кивнул. Он не стал больше расспрашивать о Чжоу Цзыфэе, но имя этого парня, как и его яркий образ, оставили вспышку огненно-красного цвета в его блёклom, выцветшем мире.

Он полагал, что сегодняшний день — лишь крошечный случайный эпизод. И понятия не имел, что спустя пару недель судьба снова сведёт их вместе.

Не знал он и того, сколько раз за прошедшие годы Чжоу Цзыфэй проходил мимо, замирая и догоняя долгим взглядом его удаляющийся силуэт.

Ещё задолго до того дня, когда они узнают друг друга настоящих, Шэнь Цзя уже стал для Чжоу Цзыфэя самым чистым, самым нетронутым снегом на свете.

<http://bllate.org/book/19971/1985754>